

Как учила детей белорусская элита 100 лет назад:

В межвоенном Минске учителям сначала приходилось мерзнуть в реквизированных у помещиков домах, затем принимать в гостях главу БССР, а потом сидеть на ночных допросах в ГПУ. «Комсомолка» пошла воспоминания о столице Беларуси времен белорусизации

Александр Соболевский из Глубокского прожил почти 100 лет: родился в 1886-м, умер в 1983-м. И больше половины жизни посвятил учительству - начинал преподавать еще при царе Николае II, а на пенсию уходил при Хрущеве. В 1920 - 1930-е Соболевский жил в Минске. Он был директором самой престижной белорусской школы, в которой учились дети Червякова, Голодеда, Коласа, Крапивы, Чарота и других сливок общества БССР той поры.

Когда Соболевскому было за семьдесят, издательство «Народная асвета» предложило ему написать воспоминания о себе и о становлении национального образования. Александр Антонович выполнил заказ, но книга так и не вышла. Спустя почти полвека рукопись деда нашли его внуки и за свои деньги издали увесистый том «Воспоминаний народного учителя» на белорусском (язык оригинала) и русском. По сути, это уникальный документ и об истории довоенного Минска.

«Минск принял голодом и холодом: мы ломали дрова кухонным секатором»

В белорусскую столицу Соболевский и его будущая жена Ольга Дрозд приехали из Глубокского в ноябре 1920-го - уже стало ясно, что Западная Беларусь отойдет к Польше. Тогда же советским организациям предписали покинуть эти территории. А Александр Антонович на тот момент был госслужащим - заведующим Дисненским отделом народного образования.

Минск, вспоминал Соболевский, находился в плачевном состоянии - прошло только три месяца после освобождения города от белополяков.

«Минск встретил нас голодом и холодом. Все вокруг говорило о том, что здесь недавно прошли ожесточенные бои с врагом. Многие дома и промышленные предприятия были наполовину или совсем разрушены. В городе не было освещения. Минская электростанция еще не была отремонтирована. Топливо отсутствовало. По прибытии в Минск я обратился в Народный комиссариат просвещения, который находился в бывшем архиерейском доме (на его месте сейчас Дом офицеров. - Ред.). Нарком Фрумкина предложила нам временно разместиться в одной из комнат нижнего этажа помещения Наркомпроса, оснащенного полатями. Там лежало несколько тюфяков, набитых соломой, на которых прежде спали красноармейцы».

Соболевский говорит, что минские рабочие и служащие питались в столовых, в которых не хватало даже хлеба.

«Прикрепленные к столовым получали хлебный паек и ржаную затирку, иногда - перловую кашу. Особенно голодно жилось рабочим и служащим, которые не имели хозяйства в городе и не были связаны с деревней».

Со временем в отведенную учителям комнату стали подселать все новых людей - жить стало невыносимо. Педаго-

Таким увидели Минск Александр Соболевский и Ольга Дрозд в 1920 году после ухода поляков. Первые два года после переезда они прожили в квартире на Петропавловской - ныне Энгельса.

ги попросили квартиру где-нибудь в городе и спустя пару дней заселились на улицу Петропавловскую (нынешнюю Энгельса) в один из пяти флигелей помещика Шпилевского, который ушел из Минска вместе с поляками.

«В том флигеле из пяти комнат, где нам отводилась квартира, в двух комнатах жила старшая сестра Шпилевского, пани Пшелевская, - вспоминает Соболевский. - Мы заняли три свободные комнаты, почти без обстановки, если не считать разобранный шкаф, сломанную кровать, два старых кресла, лавку и еще какой-то хлам...»

Зимой у молодых людей не было ни теплой одежды, ни обуви. Учитель вспоминал: после больших морозов смотрели на припухшие пальцы своих ног.

«Печи в квартире были исправны, но топить их было нечем. Дрова приходилось добывать с большим трудом: покупать на рынке, куда их привозили крестьяне, или в гортопе, где их было недостаточно, или ломать на улицах города гнилые заборы, что было нам не к лицу. У нас не было ни топора, ни пилы, и мы рубили и ломали дрова кухонным секатором. Через некоторое время мне повезло достать пилу и топор, и мы пилили длинные поленья прямо в комнате».

А обувь коллеги-учительницы Александра Антоновича, которые прошли курсы кройки и шитья, и вовсе научились шить сами: «Случайно купив на рынке старую швейную машинку и льняное полотно, они стали шить обувь на картонной подошве, подшивая под нее просмоленные веревки. Выбеленная меловым порошком, эта обувка была достаточно красивой и элегантной».

«Родители встретили белорусизацию дружелюбно»

Первые три года в Минске Соболевский проработал в Наркомпросе. Сперва - инструктором белорусских школ (блага как раз началась политика белорусизации), потом - заводилом по ликвидации безграмотности.

В 1923-м Александр Антонович стал завшколой №22. Любопытно, что его предшественница категорически отказалась перевести обучение на белорусский и потребовала освободить ее от должности в случае белорусизации школы.

«Почти все ученики школы жили в Ляховском районе Минска - на улицах Леккерта, Белорусской, Кожевенной, Почтовой и других. Родители школьников встретили белорусизацию дружелюбно. Посещали школу, чтобы узнать, как их дети ведут себя и учатся. Иногда помогали школе, когда это было нужно, например, заготавливали дрова для отопления», - вспоминал Соболевский.

В школе №20 учились Юра Мицкевич, средний сын Якуба Коласа (на фото сверху стоит рядом с отцом) и Зося Червякова, дочка руководителя Беларуси Александра Червякова (сидит между родителями на снимке внизу).

Когда школу перевели в Подгорный переулок (в районе так называемого Дома Машерова на нынешней Красноармейской), контингент ее учащихся стал шире. Появились параллельные классы, а учителей было уже 15 человек. Среди них учительницей младших классов работала супруга Александра Антоновича, а пение

преподавал Исаак Любан - в будущем автор знаменитой песни «Бываеце здаровы, жывіце багата».

«В это время материальное положение учителя значительно улучшилось. Советское государство провело денежную реформу, перейдя на твердую валюту - червонец. Это подняло настроение наставничества», - добавляет Соболевский.

С ростом населения Минска город решил строить для школы №22 новое здание на улице Леккерта в районе нынешнего стадиона «Динамо». Открытое к 1928/1929 учебному году, оно стало первым после революции возведенным для школы в Минске. «Гороно решил назвать эту новую школу 20-й Минской фабрично-заводской школой имени десятилетия БССР», - уточнял Соболевский и добавлял: «Согласно программному требованию партии в области народного просвещения - дать населению право получать образование на родном языке, - в Минске были открыты белорусские, русские, польские и еврейские школы. В целях интернационального воспитания [...] наша школа №20 завязала дружбу с ближайшей еврейской школой №8, которая находилась на улице Энгельса».

В начале 30-х Соболевский в соавторстве с учителем истории Православным написал учебник по обществоведению для шестого класса: «Свой авторский гонорар за учебник я внес в кооператив учителей на строительство квартиры. И в конце 1938 года мы получили трехкомнатную квартиру в 24-квартирном доме по ул. Сверлова, рядом с новым зданием 20-й школы».

Жены Червякова и Голодеда активничали в родительских комитетах

Школа №20 быстро стала самой престижной белорусской школой Минска. Именно сюда стремились определить своих детей госдеятель, писатели. Председатель Центрального исполнительного комитета Червяков, который в то время являлся по сути руководителем Беларуси, перевел в эту школу дочь Зосю и племянницу Люсю Лукашевич.

«Александр Григорьевич часто посещал школу, интересовался ее работой и делами, жизнью моей семьи, дважды заходил к нам домой в гости, - вспоминает в книге Соболевский. - Зная, что здание школы построено из шлакобетонных блоков и промерзает в большие морозы, высказал мнение о необходимости его утепления. Червяков приходил на занятия кружков, в которых участвовали его дочь и племянница, и после даже играл вместе с учениками. Жена Александра Григорьевича была выбрана в родительский комитет и активно участвовала в его работе, часто посещала школу и помогала ей. Уполномоченная комитетом, она подготовила выпускной вечер, когда окончили школу ее дочь и племянница. На этом вечере присутствовал и сам Червяков».

В первый класс школы №20 зачислил свою дочь и председатель Совнаркома БССР Николай Голодед. «Его жена Вера Степановна, очень иници-

истории

на родительских собраниях, с одноклассниками дочери

Книгу читала
Наталья КРИВЕЦ.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке